

ГОСТЬ

ЛЕО БУТНАРУ

(Румыния)

Лео Бутнару – уроженец Республики Молдова, выпускник Кишиневского университета, профессиональный филолог и журналист, работал редактором в газете «Молодежь Молдавии», заведовал отделом в еженедельнике «Литература и искусство», был главным редактором журнала «Молдова».

В 1976 году вышла в свет его первая книга стихов, в 1977-м молодой автор стал членом Союза Писателей СССР. В 1990-1993 гг. занимал пост вице-президента Союза писателей Молдовы. С 1993 года член Союза писателей Румынии, председатель Кишиневского филиала Союза Писателей Румынии.

На сегодняшний день автор опубликовал около 80 книг оригинальных сочинений.

Стихи Л.Бутнару переведены на три десятка языков и публикуются по всему миру, Сам он также активно работает в области художественного перевода – в его переводах были опубликованы на румынском произведения Тургенева, Бунина, Хлебникова, Маяковского, Цветаевой, Мандельштама, Евгения Степанова, Веры Павловой и многих других русскоязычных классиков и современников.

Он – составитель и переводчик антологий «Русский авангард» (в 2-х томах), «Манифесты русского авангарда», «Панорама поэзии русского авангарда», а также «Украинский авангард».

Критики отмечают в его стихах сочетание классики и авангардизма, присутствие выраженной индивидуальной интонации, раскованное метафорическое мышление, эмоционально-чувственное восприятие мира.

По определению К.Ковальджи, «Лео Бутнару любит не только себя в литературе, но и саму литературу – самоотверженно и безраздельно».

ПЕРВАЯ И ЧЕТВЕРТАЯ НЕДЕЛИ

Вместо предисловия

Сейчас мне кажется почти невероятным, что первые мои стихи о Баку я написал аж в семидесятые годы прошлого века, в конце своих студенческих лет и в начале журналистской деятельности в редакции газеты «Молодежь Молдавии» («Tinerimea Moldovei»). Наверное, поводом написать о таких далеких и экзотических тогда для меня стране и городе – Азербайджане и Баку – было желание увидеть их наяву, но повлияла, конечно, и встреча со стихами некоторых русских авангардистов, которые в начале 20-го века посещали Баку, вдохновлялись реальностями и легендами азербайджанской истории. Да и Каспийское море всегда было и остается неиссякаемым простором для художественных озарений и поэтического вдохновения. То мое первое стихотворение – «Превращение в предместьях Баку» – появилось и в моей дебютной книге «Крыло на свету» («Aripă în lumină»), вышедшей в 1976 году. Вот оно:

**Пронся над городом черные тучи
утро дышало предвестием
затяжного клокочущего дождя**

**А в полдень – зной
и зной палящий, будто
черные тучи
как огромные цистерны с нефтью
сгорев дотла
сбросили жар свой
на наши тела.¹**

И вот наконец встреча с Баку наяву состоялась! В марте 2018 года мне повезло посетить Азербайджан, увидеть его столицу. Увидеть и осмыслить вдохновляющие импульсы, исходящие от этого почти мифического края, от древнего Каспийского моря. И, конечно, тогда у меня родились стихи. Музы истории и поэзии оказались (опять!) щедры ко мне, и в сентябре-октябре 2019 года я вновь бродил по Баку, по его неповторимой набережной, жил интенсивно-эмоционально, поэтически, посетил Сумгайыт. И появлялись все новые и новые стихи об этих чудесных местах, о Каспии, о меридианах дружбы и вдохновения, они и составили эту подборку, которая для меня является знаком благодарности Азербайджану, его прекрасной столице Баку, моим друзьям – азербайджанским поэтам.

пролог

*«Чтоб этот мир понять,
им восхититься надо...»
Насими*

**Дорогой коллега
дорогой читатель
сейчас
в этот ранний час
предлагаю вам из Баку
некоторые тексты о нем
в «окончательном ви...» –
но вы сами знаете,
в кавычках
или без них
что завершенность
как и абсолют
не существует в чистом виде –
ни в нашей натуре,
ни в природе,
а значит, и в литературе.
По-старому
по-новому
по-всегдашнему –
жизнь человека
да что там
даже жизнь атома
не что иное
как частичная индукция
Или что-то иное –
физическое
астрономическое,
незнакомое...**

¹ Перевод с румынского Ивана Пилкина

чайки, осетры

**иногда
чтобы взлететь
необходимо чтобы ты был распят**

**скажем
как застывает распятая в небе чайка
на кресте своего тела**

**а после
стрелой
ныряет в гребень волны
пронзая
каспийского осетра**

стихи на набережной

**на каспийской набережной
(можно сказать на приморском бедре метрополии)
я прогуливаю –
или может быть оно прогуливает меня –
это тело состоящее из мяса и костей
а также из мыслей
а иногда и из счастья
(возможно даже сейчас)
но чаще всего в обычном «плюс-минус» состоянии
и всем, что у него имеется:
с поездками в горы и на море
(всё реже, реже), с пит-стопами¹
в поликлинике –
в этой тайно-циничной среде
(где в режиме нон-стоп проходят
параллельные переписи жизни
и НЕсуществования);
уходя оттуда, я чувствую,
будто немного уменьшилось
чувство недовольства жизнью
растущего от слов, что в мире
можно найти все
кроме того, что тебе необходимо**

**И как важно, что ты все еще находишь жизнь
по эту сторону жизни!..
Жизнь этого тела из мяса и костей**

¹ От английского «**pit stop**» – буквально, «остановка над ямой», означает техническую остановку автомобиля во время гонки для проверки состояния машины, заправки топливом, смены шин и т.д. Здесь употреблено в ироническом контексте.

под черный чай. (Черный – до того,
что не виден даже контур ложечки в стакане.)
Этот миниатюрный
статично-водяной натюрморт,
скажем так, возвращает в мою память
молодость – и тянется к зрелости.
Тогда мы жили в империи,
клонившейся к закату,
по которому, бывало, ездили на дневных
и ночных поездах; расстояния, маркированные
стуком колес
и противостоянием горизонтов
и – пронзительно-деликатным
звоном стаканов в разных поездах:
Кишинев – Киев –
Москва – Ленинград – Таллин...
и так далее.
Стакан с черным чаем (тогда, наверное,
зеленый был еще не апробирован и не разрешен ЦК...)
бившемся в подстаканник из мельхиора
в том поезде, что шел к другой вселенной,
к другой карте
с независимым Азербайджаном на ней,
к гостинице «Хилтон»,
к великолепному черному чаю,
который навевает свободные воспоминания
здесь,
где пророчески миру вещал Заратустра.

*Янардаг*¹

Вугару Новрузову

Легкий скат холма. Внизу –
пламя, вырывающееся из земли.

В утреннем свете
на холме –
антрацит булыжникообразных ворон.

Спускаемся
проходя мимо пасеки:
даже если у кого-то нимб
понятно, что это не святой –
просто пчеловод с ореолом из пчел над головой
Он человек – и он же монумент.

¹ **Янардаг** – «Горящая гора» (азерб.) – название одной из достопримечательностей Азербайджана, известнякового холма, расположенного в 27 километрах от Баку, с гребня которого поднимается примерно на метр в высоту и простирается примерно на десять метров в ширину природный вечный огонь, горящий здесь с древнейших времен.

Спускаемся.
Труднее подняться снова –
ведь среди нас
есть коронованные поэты, их рано
короновала коронография...
Можно сказать,
они коронованы пурпурной каллиграфией артерий –
со стендами и байпасами¹
Так что нам нет-нет
нужны остановки.

Спускаемся.
А чтобы нам вернуться наверх –
обнадеживает мысль, что в Стране Огня
даже птица Феникс воскресает из пепла,
возвращаясь из уютного пламени мифа...
О молодости без старости
и жизни без смерти.

апельсины, гранаты

Возвращаюсь, припозднившись, в гостиницу
На подоконнике
луна чистит от кожуры апельсины
Запускаю компьютер.
Facebook спрашивает, о чем я думаю.
Хочется ответить, что о доме –
о Кишиневе... Но компьютер не поймет,
и я возвращаюсь к мысли –
о чистке апельсинов...
Кстати,
если бы художник Возрождения увидел тебя
с апельсином в ладони –
он бы недели две работал, чтобы передать тебя,
в то время, как художники наших времен...
Да что говорить!..
Раз-два, раз-два! –
кистью по холсту
и подоконнику...

Через четыре-пять часов
заря примется чистить на нем спелые гранаты,
кстати – уже не в первый раз
гарантирующие вдохновение...

¹ От английского «bypass» – буквально, «обходной путь»; термин, применяемый в медицине при проведении шунтирования коронарных сосудов и т.п.

эпилог

**Заря величественно поднимает веко горизонта –
и замечает нас здесь, на набережной.**

**Постепенно состоится
 восход солнца –
исполняя ритуалы,
в числе которых его (солнца) грандиозное появление:
освещаются, удлиняясь, пространства,
и кажется, что горизонт в процессе дешифровки,
снятия грифа секретности,
чтобы показать себя всем четырем сторонам света,
и всем морским бризам –
ясным и понятным всем,
 упрощая сложные вещи,
которые сложны лишь ввиду
 некомпетентности мечтателей
и – частично – философов,
продолжающих разбрасываться тезами и антитезами
о рассекречивании горизонтов...
Выстроенные вдоль по вертикалям
 и горизонталям позвоночника –
этого внутреннего обелиска человека –
устремленного ввысь, отмечали мы,
 или, к сожалению, поваленного
бременем жизни или бременем смерти,
всеми понятными
и непонятными вещами на свете...
Горизонт, который иной раз может предстать иным,
но, с другой стороны,
он всегда остается границей
 между нами, землянами –
и Невозможным.**

март 2018, Баку

Перевод с румынского Владимира КОРКУНОВА и автора